

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

М.А.БРОДСКИЙ,
гл. библиотекарь РГДБ, руководитель Дискуссионного читательского клуба «DIALOGOS»

Книги о войне — урок практического патриотизма

(Опыт проведения бесед со старшеклассниками)

Юбилейные торжества, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, уже отгремели, но сама тема войны, книги о Великой Победе вряд ли когда-нибудь станут не востребуемыми, даже если их открывают по заданию учителя. Во-первых, потому, что в них и история нашей родины, которой можно по праву гордиться, и герои-победители, с которыми хочется соперничать. Во-вторых, в большинстве своем — это настоящая, искренняя литература, особенно та, что написана участниками тех событий.

В годы войны «Темную ночь», «Жди меня», «Синий платочек», другие стихи, иногда нигде не публиковавшиеся, но общеизвестные, знали наизусть без преувеличения миллионы.

Многие знают, что «Землянку» А.А. Суркова пели, несмотря на цензуру, не только после, но и во время войны со словами «А до смерти четыре шага», что существовала масса «продолжений» и вариаций «Василия Теркина», которые А.Т. Твардовский любил собирать, и после войны они были изданы. Таких примеров огромное число и ничего удивительного в них нет — **таков был «соцзаказ», но только снизу, а не сверху — все**

тогда думали и чувствовали почти одинаково. Скажем еще определенной: за весь двадцатый век никогда власть и народ не были, пожалуй, так едины. Победы, одной на всех, желали даже те, кому было, что этой власти припомнить. Своему народу, своей советской Родине желали победы и генерал А.И. Деникин и писатель И.А. Бунин, потому что другой Родины у них не было.

Нынешнее поколение школьников, что ни для кого не секрет, книг о Великой Отечественной войне читает куда меньше поколения своих родителей, чему есть причины вполне объективные: сегодня они вообще меньше читают и, глав-

ное, время изменилось, а с ним изменилось и восприятие тех событий. Конечно, война коснулась каждой семьи, осталась в семейных воспоминаниях. **Но для большинства современных детей она все же была давно и не с ними. А с ними, к сожалению, был Беслан, который, что бы по этому поводу ни думать, воспринимается сейчас куда острее, чем все ужасы всех концлагерей Европы (как сказал об одной такой книге участник дискуссии на нашем интернет-сайте, «читать ее все равно не буду — у нас будут свои войны...»).**

Ясно, что, предлагая старшеклассникам поговорить откровенно, не на отметку, о книгах, посвященных Великой Отечественной войне — теме необъятной, даже имея в виду только выдающиеся образцы, — для нас было принципиально важно — уяснить, что именно ребята знают о ней, что читали, о чем при этом думали, и на основе полученных сведений найти нужную интонацию, современный подход к теме, предложить к обсуждению свежий, по возможности нестандартный материал.

Мы — это члены Дискуссионного читательского клуба «DIALOGOS» при Российской государственной детской библиотеке, костяк которого составляют школьники и студенты, будущие журналисты, юристы, экономисты, философы, библиотекари — то есть читательская элита, ориентированная на гуманитарные профессии. Разумеется, за долгие годы своего существования (а **первое заседание клуба состоялось в сентябре 1990 года**) состав участников сильно изменился, хотя и не полностью. **Сохранилось главное — атмосфера дружеского общения людей, любящих подискутировать на разные темы, задавать любые вопросы и не любящих, когда им навязывают пусть даже правильные суждения, но без обоснований и доказательств¹.**

Наш Дискуссионный клуб — разновидность досугового объединения читателей, и, как всякое объединение такого рода, имеет свои достоинства. **Одно из них нам особенно пригодились — это возможность системного изложения материала, когда обсуждение предыдущей темы становится фундаментом к более глубокому пониманию темы последующей. А мы с ребятами и очно на заседаниях клуба и заочно на клубном сайте уже обсуждали такие**

серьезные проблемы, как «Что такое толерантность?», «Кого сегодня можно считать патриотом?» и другие. Так что тема войны для нас не была совсем уж новой.

Наша работа с темой состояла из трех этапов. Сначала мы провели анкетирование учащихся нескольких школ Москвы и Санкт-Петербурга по вопросам: **1) Какие книги о Великой Отечественной войне Вы прочитали? Напишите названия и авторов. 2) Ваша главная книга о Великой Отечественной войне? Почему Вы так считаете? Напишите отзыв об этой книге. 3) Ваш любимый фильм о Великой Отечественной войне?**²

Затем ответы ребят, а также отзывы читателей-школьников на ту же тему, собранные по нашей просьбе Белгородской областной детской библиотекой, мы поместили в Интернете на одном из форумов клубного сайта. И, наконец, уже очно собрались в московской школе «Надежда» на Первый Московский межшкольный читательский форум, где члены Дискуссионного клуба «DIALOGOS», старшеклассники школ Москвы и Санкт-Петербурга вместе обсудили тему **«Была Великая война».**

Присланные высказывания ребят, точнее, наиболее интересные из них, стали для нас исходным материалом к разговору на сайте нашего клуба³. Тему мы обозначили так: **«Книги о Войне» (Что сегодня для нас та Война? Какой книге, какому писателю мы верим и почему? Какая правда нам нужна? и др.)**. Обсуждение, на наш взгляд, получилось. Во всяком случае, сообщений к началу июля пришло более восьмидесяти (это не считая «исходных», о которых сказано выше, сообщений на другие темы, близкие по содержанию, например, обсуждение телефильма «Штрафбат» и др. — таких было еще примерно столько же. И это, заметим, лишь количество активных участников дискуссии, оставивших свои сообщения, поскольку число просто читающих на форуме тогда не учитывалось — сейчас в новой версии сайта это есть).

Обсуждались на форуме и конкретные произведения («Молодая гвардия» А.А.Фадеева, «Василий Теркин» А.Т.Твардовского, «В окопах Сталинграда» В.П.Некрасова и др.), и отдельные высказывания о самой войне, и отзывы на эти высказывания. В результате получился живой обмен мнениями людей, заинтересовавшихся конкретной темой, разных по образованию и по

¹ Подробнее о деятельности клуба см. Клуб и Интернет в приобщении детей к чтению (Опыт работы Дискуссионного читательского клуба «Dialogos») ж. Школьная библиотека № 1-2 2005, «Наше наследие. О проблемах гражданского и патриотического воспитания в библиотеке. Сборник статей» 2004 и др. а также материалы сайта клуба <http://www.obsudim.net>

² Подробнее о результатах анкетирования членов Дискуссионного читательского клуба «DIALOGOS», учащихся школ Москвы, С-Петербурга см. в статье О.Л.Кабачек (в след. №№ «ШБ»).

³ Полностью обсуждение см. на <http://www.obsudim.net/forum/index.php?msg=1721>

возрасту — прекрасное свойство интернет-общения.

(Небольшое замечание для тех, кому оно необходимо. Интернет-общение отличается от обычного анкетирования или просто чтения тем, что, с одной стороны, общение интерактивно, с другой — нередко ограничено во времени. К тому же, посетитель сайта может, как при анкетировании, остаться на форуме неузнанным, так как обычно подписывается логином (псевдонимом). Поэтому высказывания участников форума бывают, как правило, более откровенными, хотя и, как говорится, «не всегда отшлифованы». Впрочем, это тема отдельного и весьма актуального исследования. Все сообщения форума публикуются без редактирования.)

Мама, школьный библиотекарь, сообщает, как помогла сыну выбрать «стих какой-нибудь про войну выучить». Напомнила ему: «А как же Теркин? Ведь он тебе понравился!», на что тот ответил: «Да, только Теркина и можно читать. Там без занудства, некоторые моменты смешные, а читается как Пушкин — легко и интересно». И мама не без гордости заключает: «Вот такое мнение у младшего, не слишком начитанного, поколения».

Кто-то высказал суждение о том, что «при Сталине в сороковых о войне писали свободнее, чем при Брежневе в восьмидесятых» (интересное наблюдение и отчасти справедливое, если считать сороковыми годы до знаменитого Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г.). Кто-то признается, что не может и не хочет обсуждать тему «с точки зрения искусства» по личным мотивам, потому что «прадед в плену был три года, вернулся «полуврагом», почему и лесничим ушел... А я сам в 10 лет шагал в калужских краях по знаменитой бревенчатой «немецкой дороге» и видел там ржавый кусок снаряда, и горсть патронов нагреб... из-под нашего кострища, Знаю, что в мелких калужских речках даже стволы танков из воды торчат...». А кто-то, наоборот, просто дает свой откровенный ответ на поставленный к обсуждению вопрос: «Зачем читать о войне? Да просто, чтобы знать о жизни наших предков, об их заслугах, несчастьях, чтобы учиться у них жизни. **Нужно ли писать о войне? Это дело тех, кто пишет. Моё мнение: нужно. Это своего рода подготовка к непредвиденной ситуации, как не допустить или как действовать, если уже случилось».**

Был и такой, на наш взгляд, очень трогательный пример общения. Ученица 8-го класса Аня Борисова из московской школы № 948 прислала замечательное в своей искренности сочинение о том, как в их школе показывали моноспектакль по книге А.И. Приставкина «Ночевала тучка золо-

тая» и какие мысли у нее при этом возникли.

«Война. Люди её не ждали, не хотели, но она началась, — пишет она. Вся страна в один миг поменяла всё: привычки, обычаи, место жизни, но главное — душу. Ничто так не проверяет человека, как война. Если твоя душа чиста в мирное время, не значит, что останется она такой и на фронте, в бою... Войну делают взрослые, они её объявляют или просто начинают. А расплачиваются за каждый выстрел, за каждый сожжённый дом дети. Взрослые уходят на фронт, в партизаны, а дети, дети... остаются одни на выжженной поляне, где когда-то был их дом. Да, мы тоже способны предать, бросить, уйти, так ведь всегда легче, но у кого мы, еще ничего не видевшие в жизни, научились этому?...

Самое страшное в том, что война ещё много лет не замкнёт свой круг. А значит, люди будут не жить, а выживать. На моноспектакле актриса провела параллель той Чечни, военной, и Чечни сегодняшней. Рассказала, открыла глаза на то, что происходит, да только не понял почти никто, потому что не хотел понять. Мир нынешний суров и тогда, под конец выступления, её почти не слушали, жить так привыкли. — Это далеко, значит не моя проблема. Даже, когда Колька обнаруживает обезображенный труп Сашки, школьники беззаботно смеялись. Это пока не их проблема, пока они дети не боевой точки, пока в семье у них есть что поесть, есть, где поспать. Я вижу эту проблему иначе. Война не кончится, пока мы не изменимся, а мы не изменимся, потому что так проще. Надо в своём мирке выжить, куда там чужому помочь. И дальше: «Война самое сложное испытание в жизни человека. Она заставляет его либо стать человеком, либо остаться так, ничем».⁴

И вот когда это сочинение появилось на форуме, автору ответил один из «старожилов» нашего сайта из Питера:

«Здравствуйте, Анна! — написал он. — Я благодарен Вам за такое сочинение! Когда сам в школе учился, любил жесткие, «неправильные» темы и именно по ним писал от души, а не потому что «надо». Поскольку сейчас работаю в СМИ, будучи по образованию юристом, невольно какие-то недочеты по изложению мыслей вижу. Но искренность всегда выше мелочей, тем более такая... и про отношение к проблеме — а действительно, пока сами себя не узнаем, ничего не получится... — удивили Вы и порадовали... Будут такие, как Вы, люди в России — может, выживем... не будет, значит, — не судьба...».

Комментариев тут, пожалуй, не требуется.

Очное обсуждение темы «**Была Великая**

⁴ Полностью сочинение Ани Борисовой на сайте клуба.

война», состоявшееся, как мы уже говорили, в московской школе «Надежда» с участием членов нашего Дискуссионного клуба «DIALOGOS» и старшеклассников этой и других школ Москвы и Санкт-Петербурга, мы начали с вопроса, который был сформулирован так: **Зачем сейчас читать книги о войне?**

Все ответы можно было бы разделить на три группы. Первая: книги об Отечественной войне — это книги о Победе, доставшейся ценой огромных усилий и жертв, об истории нашей Родины, которой можно и нужно гордиться. Вторая: книги о войне — это исследование, проверка на прочность в экстремальных обстоятельствах человека, похожего на нас, — подлинное «человековедение», если вспомнить определение художественной литературы А.М.Горьким. И третья группа: книги эти интересно и полезно читать (есть острый сюжет и положительный герой, которому хочется подражать).

Следующий вопрос если не сблизил, то, по крайней мере, уточнил позиции отвечавших: **что интересней читать: про отступление и плен или про победные наступления** (например, в романах «Живые и мертвые» К.М. Симонова, «В окопах Сталинграда» В. П. Некрасова, в повести «Судьба человека» М.А. Шолохова — кто что читал). Большинство ответило на этот вопрос примерно одинаково: всё зависит от того, зачем берешь книгу о войне: хочешь понять, как там всё было, осмыслить суть происходившего или тебе хочется пережить с героями радость Победы.

Хорошим раздражителем, как и при обсуждении на клубном сайте, стало стихотворение И. Дегена «Валенки», стихотворение поэта-фронтовика, описывающего смерть своего товарища, жесткое, откровенное до натурализма. Поэтому не все решатся его обсуждать, хотя нынешние фильмы о войне не менее жестоки (см. сайт клуба «DIALOGOS»). Практически сразу женская часть аудитории высказалась против натурализма в описании войны, ненужного смакования шокирующих подробностей и т.п. Были и противоположные суждения, однако большинство согласилось с высказыванием ведущей одного из телеканалов по поводу обсуждаемой сейчас на всех уровнях проблемы запрета сцен насилия на телевидении. Она сказала следующее: «Во время событий в Беслане ко мне поступало огромное количество видеоматериалов, которых нельзя было давать в эфир, и я их не давала. Но, с другой стороны, как вызвать сочувствие к жертвам, пережившим такое, как испытать гордость и уважение к тем, кто бросился под огонь, спасая детей? Чтобы сопережи-

вать, надо всё это увидеть своими глазами».

Добавим к сказанному, что страх парализует человека, сковывает его волю на бессознательном, животном уровне, что было хорошо известно и древним римлянам и нынешним террористам. Таким образом, как мы видим, однозначного решения проблема не имеет — всё дело в чувстве меры. Кого? Справедливости ради заметим, что не все из присутствующих согласились довериться чувству меры профессионалов, что, наверное, объяснимо, в том числе по причине разного «порога восприятия», тем более, если зрители разного возраста.

Продуктивным, на наш взгляд, получилось сравнение стихотворения «Валенки» И. Дегена с известной многим присутствующим повестью В. Л. Кондратьева «Сашка». Общего между этими произведениями почти нет, кроме времени описываемых событий и слова «валенки». Герой повести Кондратьева Сашка тоже снял с убитого валенки, но только с немца, к тому же с риском для жизни и, что немаловажно, не для себя.

«Для себя ни за что бы не полез, пропади пропадом эти валенки! Но ротного жалко. Его пимы насквозь водой пропитались — и за лето не просушить, а тут сухонькие наденет и походит в сухом, пока ему сапоги со склада не доставят... Ладно, была не была!

Без остановки дополз Сашка до немца, схоронился за него, осмотрелся и взялся за валенок. Потянул, но не выходит! То, что приходится мертвого тела касаться, его не смущало — по привычке они к трупам-то. По всей роще раскиданы, на людей уже не похожие. Зимой лица их цвета не покойницкого, а оранжевого, прямо куклы какие, и потому Сашка брезговал не очень. И сейчас, хотя и весна, лица их такими же остались — красноватыми.

В общем, лежа снять с трупа валенки не получалось, пришлось на колени привстать, но тоже не выходит, тянется весь фриц за своим валенком, ну что делать? Но тут смекнул Сашка упереться ногой в немца и попробовать так. Стал поддаваться валенок, а когда стронулся с места, уже пошел... Значит, один есть.»⁵

И здесь через сравнение мы вышли на серьезнейшую проблему разного восприятия войны. **Дело в том, что Сашка вообще «другой» герой, потому что война не обезчеловечила его. Центральный эпизод повести, когда он не выполняет приказ расстрелять пленного немца. Почему? Потому что тот безоружный, потому что в листовке было написано:**

⁵ Цит. по Кондратьев В. Сашка. М.: Современник, 1986.

«Обеспечена жизнь и возвращение после войны», а Сашка обещал немцу жизнь. И аргумент у Сашки простой: «Люди же мы, а не фашисты».

Всё правильно. Только можно ли себе представить, чтобы повесть Кондратьева появилась в дни войны? Нет. И дело тут не в цензуре. На войне главными словами были «отстоять» и «отомстить» (вспомним один из запоминающихся эпизодов хорошего фильма «Торпедоносцы», когда летчик, пикирующий на врага, повторяет одно слово — «карать, карать...»). И долгие годы уже после войны слово «немец» означало «враг, смертельный враг». Более того, по словам И.Г. Эренбурга, в начале войны были случаи, когда артиллеристы под Москвой не хотели стрелять по отступающим немцам — а вдруг среди них окажутся обманутые Гитлером рабочие и крестьяне. Тогда-то стали востребованы и появились «Зоя» М.И. Алигер, «Наука ненависти» М.А. Шолохова, многие другие статьи, стихи, проза, названия которых говорили сами за себя. Но когда сравнительно недавно в памятном сентябре 2004 года автор одной из московских газет назвал самым популярным стихотворением Константина Симонова времен Великой Отечественной не «Жди меня», а «Убей немца», с этим, скажем так, захотелось поспорить. Что мы и сделали, зачитав участникам дискуссии оба известных стихотворения, одно за другим.

УБЕЙ НЕМЦА .

...Если ты врагу с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь,
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
Так убей врага, чтобы он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его — по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть исплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будут ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз и убей!

ЖДИ МЕНЯ

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Большинство ребят согласились с мнением автора статьи, но признали, что противопоставлять стихотворения ни тогда, ни тем более сейчас не следует. Прежде всего, потому, что было и то, и другое, **а жить постоянно одной ненавистью невозможно, да и опасно.** Ведь когда «ярость благородная» по разным причинам долго не затухает, в один «прекрасный» момент у народа могут отказать тормоза, и тогда начинается резня, бессмысленная и беспощадная.

Мы вспомнили с членами Дискуссионного клуба, как сравнительно недавно обсуждали тему «Патриотизм и толерантность»⁶ и касались тогда проблемы толерантности в ситуации военного конфликта (шире — конфликта интересов). В такой ситуации терпимость к противнику не просто невозможна — даже упоминание о ней порой равносильно предательству и проявлению

⁶ Стенограмму обсуждения этой темы см. «Наше наследие» Приложение №3, с. 239-255, а также на сайте клуба <http://www.obsudim.net>

трусости (скажем, перед атакой). Всё так, но любая война, как известно, заканчивается миром, потому что, как сказал кто-то из великих, **«штыком можно завоевать весь мир, но нельзя на нем сидеть»**. И тогда потребность в толерантности, терпимости друг к другу становится не просто востребованной, но и **необходимой как отдельным людям, так и целым государствам**. Сегодня же никто не возражает против существования войск ООН, Общества «Красного Креста» и других «толерантных» организаций.

Вот почему стихотворение «Валенки», как нам кажется, воспринимается сегодня как факт истории, но ближе и нужней нам все же «Сашка» Кондратьева. Конечно, здесь надо учитывать, что это уже взгляд из мирной жизни, но ведь общечеловеческие ценности потому и ценны, что вечны во все времена у всех народов. А война — не норма, а отклонение от нормы.

Был и еще один поворот темы — история с ложкой, которую «посеял» — и потом долго мучился — один небравый солдат, очень похожий на Булата Окуджаву.

«Потерял я ложку, как дурак. Обыкновенная такая ложка. Алюминиевая. Почерневшая. С зубринами. И все-таки это ложка. Очень важный инструмент. Есть нечем. Суп пью прямо из котелка. А если каша... Я даже дощечку приспособил. Щепочку. Ем кашу щепочкой. У кого попросить? Каждый ложку бережет. Дураков нет. А у меня — дощечка».

И дальше как припев у песни. Обедают:

— А я борщ люблю, — говорят из темноты, — густой, чтобы ложка стояла. Мне никаких вареников не надо.

А у меня нету ложки. Я как без рук без ложки. Надо мною смеются, над щепочкой моей. И сам я смеюсь... А ложки-то нет у меня... И сапог нету. Были бы у меня сапоги, не так бы мы с тобой, Нина, разговаривали...

Меняют позицию, думает:

Мы ведь не просто позицию меняем: лишь бы переменить. Мы вперед идем. Давай, давай! Теперь-то я уже наверняка ложку достану.

Друг раненый уезжает — опять не повезло:

— Машина идет но свежему снегу. Рука Гургенидзе торчит из кузова. Это он прощается с нами. Уехал, уехал... А ложку забыл я у него выпросить!

Попали под обстрел:

Все бегут мимо меня. Встаю. Все цело. Там недалеко Шонгин лежит. Где же Шонгин-то? Это не Шонгин лежит, это остатки его шинели... Ничего не поймешь. Вот его котелок, автомат... ложка! Лучше не смотреть, лучше не смотреть.

А дальше он находит ложку, целую связку ложек, хороших алюминиевых, думает:

— Будет и у меня ложка! Правда, немецкая. Да какая разница... Сколько я без ложки прожил! Теперь зато с ложкой буду. Ложки и в самом деле хорошие.

— Они мытые, — говорит Сашка, — фрицы чистоту любят. Выбирай любую.

Ложки лежат в моих руках.

— Они мытые, — говорит Сашка.

Ложек много. Выбирай любую. После еды ее нужно старательно вылизать и сунуть в карман поглубже. А немец тоже ее вылизывал. У него, наверное, были толстые мокрые губы. И когда он вылизывал свою ложку, глаза выпучивал...

— Они мытые, — говорит Сашка.

... А потом совал за голенище. А там портянки пропревшие. И снова он ее в кашу погружал, и снова вылизывал... На одной ложке — засохший комочек пищи.

— Ну, что ж ты? — говорит Коля.

Я возвращаю ложки Золотареву. Я не могу ими есть. Я не знаю почему... Мы сидим и курим.

Потом уже когда самого нашего героя везут в медсанбат, сестра в белом халате поверх ватника спрашивает:

— Давай документы, милый, — говорит она, — нужно в санитарный поезд оформлять. В тыл повезут.

Я достаю документы из кармана. Вслед за ними выпадает ложка. Ложка?!

— Ложку-то не потеряй, — говорит сестра.

Ложка?.. Откуда у меня ложка?.. Я подношу ее к глазам. Алюминиевая сточенная ложка, а на черенке ножом выцарапано «Шонгин»... Когда же это я успел ее подобрать? Шонгин, Шонгин... Вот и память о тебе. Ничего не осталось, только ложка. Только ложка. Сколько войн он повидал, а эта последняя. Бывает же когда-нибудь последняя. А жена ничего не знает. Только я знаю... Я упрячу эту ложку поглубже. Буду всегда с собой носить... прости меня, Шонгин, старый солдат».⁷

Это отрывки из повести «Будь здоров, школяр» — еще одной книги о войне. Написана она в 1961 году фронтовиком Б.Ш. Окуджавой и, вроде, о том же (там валенки — тут ложка), да не так. Автор не пугает, не добивается «признания заслуг», не «выжимает» сострадание, он, скорее, извиняется за необходимость говорить о потере друзей, бытовых неудобствах — то есть сознательно снижает пафос. Зачем? Да ни за чем. Просто он такой. И, что удивительно, при этом он не теряет уважения в наших глазах — наобо-

⁷ Цит. по сайту «Военная литература: Проза: Окуджава Б.Ш. Будь здоров, школяр» <http://militeralib.ru/prose/russian/okudzhava1/index.html>

рот, мы почему-то доверяем и уважаем его и за то, что он пережил, и за то, что так об этом рассказывает.

Повесть эта мало кому известная по причине, по которой мы долго не видели и ее экранизацию — теперь заслуженно популярный фильм (его указали в своих анкетах несколько старшеклассников из Санкт-Петербурга), героическую комедию Владимира Мотыля «Женя, Женечка и катюша» с Олегом Далем в главной роли (истории с ложкой там, правда, уже не было). Не видели мы и многие другие хорошие и смешные кинокомедии о войне, которые, как считалось, умаляют образ советского солдата, подрывают величие его подвига.

Тут, наверное, причина разной судьбы кинокомедий об Отечественной войне, вышедших в советское время. Мы знаем, что и во время войны кинокомедии снимались, были популярны, но это немного другие фильмы. Там смеялись над нестрашными глупыми немцами (назовём «Беспокойное хозяйство» с Михаилом Жаровым, «Небесный тихоход» с Николаем Крючковым, «Швейк на войне» с Борисом Тениным и др.). А не пускали на экран в шестидесятые-восьмидесятые годы «Крепкий орешек» с Надеждой Румянцевой и Виталием Соломиным, «Женю, Женечку и катюшу» и другие фильмы, где смеялись (сочувственно, конечно) уже над нашими, над ситуациями, в которые они попадали и т.п..

Когда я спросил ребят, чем это можно было бы объяснить, они ответили практически сразу: во-первых, есть вещи, над которыми не смеются никогда (например, смерть и горе близких), во-вторых, сама война тяжелая, малорадостная работа, и чтобы говорить о ней весело, должно пройти какое-то время, чтобы раны зажили и можно было вспоминать о ней смешно, то есть отстраненно. Но, конечно, не правы те, кто считает, что героизм и самоирония несовместимы.

Продолжением темы стал разговор о романе Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», который очень разные люди называют одним из лучших произведений о Великой Отечественной войне. Чем он заслужил такую высокую оценку? Один из участников дискуссии, Глеб Наумов из школы «Надежда», прочитавший весь роман, ответил на вопрос примерно так: секрет успеха книги — в его подлинности, органичном сочетании художественной силы и документальной достоверности, когда обилие деталей лишь доказывает читателю, что всё написанное автором он видел и пережил сам. Правда, тот же Глеб Наумов заметил, что читать роман ему лично было нелегко, причем по той же самой причине: «описаний и деталей больше, чем событий».

Обратил он внимание и еще на одну особенность романа В. П. Некрасова. Главный герой там — архитектор, один его коллега — аспирант механики, другой попроще, но тоже стихи любит и пишет, даже особист, неприятный человек, и тот вузовский преподаватель. Впечатление такое, что Сталинград защищали одни интеллигенты и им «сочувствующие». Разве это правда? Ответ на заданный вопрос был следующим: разумеется, неправда. Но что делать, если автор именно интеллигент, даже из дворян, да еще начитанный, например, вспоминает и очень к месту «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого? Он же автор художественного произведения, а не военный историк, и это его субъективный взгляд.

Правда, сейчас ответ, приведенный в ходе дискуссии, нам кажется не неправильным, но, что называется, сделанным «навскидку». На самом деле тут есть проблема, достаточно серьезная и очень актуальная. Приведем в качестве иллюстрации показательный, на наш взгляд, пример — судьбу самого романа «В окопах Сталинграда». За свою почти шестидесятилетнюю жизнь (книга написана в 1946 году в госпитале — автор так по совету врачей руку разрабатывал) роман сначала удостоился Сталинской премии (говорят, А. Фадеев не включил молодого писателя в список на награждение, а Сталин добавил. Почему, можно только догадываться — может, чтоб «щелкнуть» других, не воевавших?). Потом роман был надолго забыт, потом переиздан, получив негласный титул лучшего романа о Великой войне, потом обвинен в грехе «окопной правды» (то есть, неполной, «несимволичной», как выразился о нем главный идеолог брежневской эпохи М. А. Сулов, потому что описаний солдатского «быта» там было больше, чем обоснований руководящей роли партии и заслуг «командных пунктов», вплоть до Главного, причем не то, чтоб этого не было совсем, но недостаточно, «несимволично»). Ну а потом роман занял почетное место в школьной программе, хотя и читается, как мы слышали, с трудом. Даты знающий читатель проставит без труда.

Речь, однако, мы ведем не к тому, как в разное время решался вопрос, кто выиграл войну, — простые солдаты или мудрый главнокомандующий. Проблемы этой, к слову сказать, не было и нет, в том числе и потому что, как мы уже говорили, власть и народ были тогда едины как никогда за весь двадцатый век. Другое дело, что спекуляции на этот счет возникают, но только по причинам, как бы сейчас сказали, политтехнологическим или психологическим (ведь всегда были и есть люди, которые любят любую власть и те, кто любую власть не любит).

Мы же говорим о проблеме реальной, которая действительно реально волнует сегодняшнего читателя, особенно молодого — он хочет знать, чего нам стоила та Великая Победа, осмыслить цену подвига рядового участника войны. **В фильме «Белорусский вокзал» фронтовики поют песню как бы тех лет «мы за ценой не постоим», и это точно исторически — тогда по-другому думать было неуместно. Теперь же пришло время задуматься над стоимостью человеческой жизни, в том числе и для того, чтоб воздать должное всем, кто погиб, и кому посчастливилось выжить.** Ведь и Александр Матросов, наверное, не просто исполнял приказ, но и думал о чем-то, с кем-то прощался или наоборот, что-то хотел забыть, гнал от себя ненужные мысли, чтоб не мешали сделать то, что надо было сделать. Сегодняшнему школьнику, живущему в наше время, несомненно, интересен человек, совершающий, способный совершить подвиг, и он готов уважать такого человека, как уважаем мы тех, кто жертвует собой ради других, как благодарны им за то, что они спасли лично нас. Но уважать он хочет осознанно, а не потому, что так надо.

Остережемся излишних обобщений. Возможно, книги и фильмы военных и послевоенных лет, кажущиеся нам одномерными, были тогда востребованы. Востребованы ли они сегодня, неясно — нынешние школьники разные (что демонстрируют и собранные нами анкеты). Мы, взрослые, тоже разные, и то, что одним представляется основой патриотического воспитания, другим кажется ненужным и даже вредным. Поэтому скажем корректно: старшеклассникам, с которыми мы очно общались в год шестидесятилетия Победы над фашизмом, молодым людям разных возрастов, оставившим свои сообщения на клубном сайте, — им герои романа «В окопах Сталинграда» близки и потому нужны. Как нужны им герои других литературных произведений об Отечественной войне, востребованных сегодня фильмов (например, «Хроника пикирующего бомбардировщика», «На войне, как на войне», «Торпедносцы» и др.). Потому что герои эти не обязательно рефлексирющие интеллигенты, но они точно не «инструменты» Победы, главное достоинство которых строго исполнять приказы и распоряжения начальства по формуле великого солдатского поэта А.Т. Твардовского «города сдают солдаты — генералы их берут». Это думающие, переживающие происходящее солдаты. А, как сказал один из участников дискуссии, «бездумным исполнителем быть не хочется».

На очной встрече сказанное выше отчасти прозвучало, когда у нас зашел разговор об изве-

стной повести **В. О. Богомолова «Иван»**, имеющей в глазах ребят еще и дополнительную ценность. *«Гораздо страшнее смотреть на войну глазами подростка — своими глазами»*, как написала, правда, о другой повести десятиклассница из Санкт-Петербурга Наташа Янсон⁸. Это относится и к повести В. Богомолова, о которой восьмиклассник Олег Луц из Белгородской области в своем отзыве сказал важные слова: *«Об Иване говорят, что ему «ненависть душу жжёт». Он видел столько страшного, что не может жить нормально, по-детски, пока это страшное не будет уничтожено. Он снова и снова уходит туда. Он должен туда уходить... Уходить и возвращаться, пока не кончится война. Ему хочется жить, но не настолько, чтобы послушаться взрослых и уехать в глубь страны, учиться, расти и набираться сил... И ещё он хочет, чтобы мы почувствовали, как спасительна для человеческого естества эта боль, неутрачиваемая, неуловимая, не прощающая»*⁹.

Хороший отзыв, хотя о спасительности «для человеческого естества не прощающей боли» можно было бы и поспорить. Однако более важно обратить тут внимание на другое: можем ли мы представить себе Ивана живущим после войны? Вряд ли. Почему? Это становится понятным, если сравнить повесть с классикой послевоенной детской литературы. «Улица младшего сына» Л.А. Кассиля или «Партизан Леня Голиков» Ю. Р. Королькова — хорошие книги о пионерах-героях. Иван — не пионер-герой, он жертва войны, инвалид с большой психикой — вот цена победы для многих не нашедших себя после войны. Сейчас мы это называем афганским или чеченским синдромом.

В заключение отметим главное. Работа над темой Великой Отечественной войны убедила нас в том, что откровенный, некорыстный разговор о нашей общей Победе, о настоящей литературе, ей посвященной, может быть только субъективным. А значит любой опыт, в том числе и наш, не универсален. Мы лишь предлагали свои повороты темы, которые, надеемся, кому-то могут пригодиться.

И еще мы имели возможность убедиться в том, насколько разговор этот небезразличен сегодняшним школьникам. «Чтоб быть готовым», — так говорили и писали многие. Для них эта тема — урок практического патриотизма. И потому он, очный и заочный, наверняка будет нами продолжен и уже продолжается.

⁸ Полностью отзыв Наташи Янсон о повести Татьяны Васильевой «След Бельведеры» см. на форуме клуба

⁹ Отзыв Олега Луца см. там же